

ВОСПОМИНАНИЯ

В ГЕРМАНСКОМ ПЛЕНУ

(1914—1920 гг.)

Б. И. Гринштейн

22 октября 1914 г., тяжело раненный, я попал в германский плен. Это произошло в боях за Сувалки, около села Филиппово. Большую группу раненых солдат русской армии немцы подобрали на поле боя и отправили в Ландсберг. Везли нас в грязных вагонах, предназначенных для перевозки скота. В них было так тесно, что не только лечь, но и сесть было невозможно. Двери вагонов не открывались, и люди задыхались, теряли сознание, умирали. В Ландсберге многих, в том числе и меня, поместили в госпиталь. Тех из нас, кто не нуждался в госпитализации, повезли прямо в лагерь для военнопленных.

Группа раненых, среди которых был и я, оставалась в госпитале до февраля 1915 года. Затем, в наказание за протесты против плохого питания, всех нас отправили в лагерь для военнопленных—Гальбе, около Берлина. Условия жизни в нем были кошмарными. Вообще жизнь русских военнопленных во всех германских лагерях была очень тяжелой, особенно в 1915—начале 1916 года. За самые незначительные проступки строго, порою изощренно, наказывали. Военнопленных подвешивали на столбе в полуметре от земли. В таком состоянии человек оставался в течение одного-двух часов, пока не терял сознание. пытки, издевательства, голод, антисанитарные условия, эпидемии приводили к высокой смертности. В первое время только в лагерях Гальбе и Кроссен умерло свыше 1,5 тыс. наших товарищей. Вместо одежды на нас висели лохмотья, покрытые вшами.

Жили мы в сырых бараках без всякого освещения. В долгие осенние и зимние вечера, меняясь местами друг с другом, мы грелись около убогой печурки, которую сами построили. Здесь велись разговоры о нашей судьбе. Все наши помыслы были направлены на то, чтобы утолить постоянный голод, дожидаться свободы. Среди нас были рабочие, крестьяне, служащие, попадались дети священников, торговцев—люди с далеко не одинаковыми взглядами, но объединенные ненавистью к войне. Правда, пока разговоры о действительных причинах войны почти не велись. В этой обстановке всеми владело одно стремление: «Выжить!».

Находясь в плену, мы в первое время никакой связи с Россией не имели и, что там происходило, не знали. Царское правительство совершенно не интересовалось судьбой своих бывших солдат, попавших в плен. Зато французские и английские военнопленные были в привилегированном положении. Они поддерживали регулярную переписку с родственниками, получали помощь от своих правительств в виде продовольствия, одежды, обуви. Им не приходилось испытывать тех унижений, которые выпали на долю русских военнопленных. Отношение к ним со стороны немецких охранников не было таким жестоким, как к русским. Нам запрещалось собираться группами, громко разговаривать, в то время как на англичан и французов эти ограничения не распространялись.

В марте или апреле 1915 г. мы узнали, что в наш лагерь приезжает какое-то высокопоставленное лицо из России. Все очень обрадовались, надеясь, что наконец-то царское правительство постарается облегчить наше положение. Этим «высокопоставленным лицом» оказалась жена бывшего командующего 2-й русской армией Северо-Западного фронта генерала Самсонова, которая приехала в Германию, чтобы

забрать тело своего мужа, погибшего в Восточной Пруссии. Она ходила по лагерю в сопровождении коменданта и других немецких офицеров. Для встречи с нею вывели все 7 тыс. военнопленных, находившихся в лагере. Наше положение было тогда особенно тяжелым: тиф косил людей, умерших не успевали хоронить. Самсонова сообщила, что ей поручено посетить лагерь русских военнопленных и по прибытии в Россию рассказать об увиденном. Она сказала, что привезла нам привет с родины, а также крестики и молитвенники, и обещала добиться для нас какой-нибудь помощи. Такой «привет» вызвал у нас возмущение. Тогда генеральская вдова стала призывать нас к терпению и успокаивать «словом божьим». Ее выступление звучало примерно так: «У государя и помимо вас много забот, бог нам поможет, тогда и о вас подумаем...». Нам стало ясно, что на содействие самодержавия рассчитывать нельзя. Один из нас, бывший вольноопределяющийся (фамилии его не помню), с гневом крикнул, что, когда военнопленные вернутся в Россию, царь встретит не два миллиона освобожденных из плена, а два миллиона революционеров! Его поддержала многотысячная толпа военнопленных. Тут Самсонова пригрозила, что для нас готова сибирская каторга. После этого, сопровождаемая криками возмущения и свистом, она ушла из лагеря.

Это был первый случай стихийно возникшего массового протеста со стороны военнопленных в лагере Гальбе. Затем случаи организованного протеста военнопленных участились. В нашем лагере в ряде барачков, в каждом из которых жило до 200 человек, были случаи коллективного отказа от пищи. К нам просачивались сведения, что и в других лагерях военнопленные начинают выражать массовое недовольство тяжелыми условиями жизни, причем в ряде мест—организованно и активно. Эти события совпали с решением немецких властей начать широкое использование военнопленных для работы вне лагерей. Они, видимо, преследовали двоякую цель: за счет эксплуатации военнопленных восполнить нехватку рабочей силы в стране, образующуюся из-за систематических мобилизаций на фронт, и, кроме того, разбив военнопленных по рабочим командам, разобщить их и предотвратить совместные организованные выступления. С конца 1915—начала 1916 г. в лагерях начали формировать из военнопленных рабочие команды. Германские власти стремились обеспечить дешевой рабочей силой в первую очередь хозяев крупных заводов, шахт, лесоразработок, а также помещичьи имения. В их распоряжение направлялись команды по 100 и более военнопленных с конвоями. Спустя некоторое время военнопленных как дешевую рабочую силу стали требовать зажиточные немецкие крестьяне. В их хозяйства посылались группы по 10—20 человек с одним-двумя конвоями. Иногда надзор за военнопленными осуществляли старосты населенных пунктов.

В начале 1916 г. вместе с некоторыми другими военнопленными меня перевели из Гальбе в лагерь Кроссен на Одере, где мы оставались до освобождения из плена и отъезда в Россию. Условия жизни, работы, отношение к военнопленным со стороны немецкой администрации в этом лагере были примерно такими же, как и в других местах.

Если в первое время русские пленные в германских лагерях вели преимущественно борьбу за существование, за кусок хлеба, то в дальнейшем, со второй половины 1916 г., происходит постепенный рост их политического сознания. Этому способствовали тяжелые условия жизни в плену, издевательства лагерных властей, вызывавшие протест и возмущение, а также расширение общения с местным населением, появление возможности читать газеты и журналы, узнавать о событиях, происходящих в мире. В основном военнопленные были неграмотными или малограмотными крестьянами, чаще всего из глухих уголков России. Большинство из них — верующие, но встречались и атеисты. Некоторые из лагерных товарищей до войны работали на промышленных предприятиях и участвовали в революционном движении, состояли в социал-демократической и в других политических партиях. Среди нас были люди самых различных взглядов и убеждений, сторонники революции и ее противники, но всех сближала мысль о необходимости борьбы за улучшение условий жизни в плену. Некоторые революционно настроенные военнопленные начали разъяснять своим товарищам значение классовой борьбы против помещиков и капиталистов, а впоследствии пропагандировали и большевистские идеи (этих людей кто-то из военнопленных назвал «прогрессистами», и с тех пор их так начали называть все).

К ним относились находившиеся среди нас рабочие из Москвы, Иваново-Вознесенска, Петербурга, Екатеринослава, Орла, Минска, Калуги. Впоследствии многие из них были избраны в состав лагерных исполкомов и стали первыми коммунистами в партийных организациях лагерей. В лагерных бараках, в рабочих командах после изнурительного труда «прогрессисты» начинали разговоры о минувших событиях, участниками которых они были, — о стачках в России, о столкновениях с полицией, о распространении подпольных листовок и газет, о массовках. Это вызывало воспоминания других военнопленных о рассказах их отцов или дедов, участвовавших в крестьянских волнениях. Потом беседа обычно переходила на темы жизни в плену. Возвращавшиеся с работ рассказывали, что среди немцев, даже зажиточных, растет недовольство войной. Из разговоров немцев между собой военнопленные узнавали, что в разных местах Германии происходят антивоенные демонстрации, выступления, вызванные недостатком продовольствия.

К началу 1917 г. режим в лагерях несколько смягчился. Причиной тому было усилившееся недовольство в среде военнопленных и нарастание революционных событий в Германии. Постепенно росло единство военнопленных, устанавливалась связь с местным населением и лагерной охраной. Нас чаще стали посылать на работы без конвоя. Военнопленные встречались с немецкими крестьянами, рабочими, ранеными солдатами, вернувшимися с фронта и теперь служившими в охране. Те рассказывали, что война и для них стала ненавистной. В отличие от прежних охранников фронтовики понимали нас, таких же бывших солдат-фронтовиков. Начала налаживаться почтовая связь с родными и близкими, которую помог организовать Международный Красный Крест. Иногда его представители навещали лагерь, знакомились с положением в них, периодически отправляли для нас посылки. Из писем с родины мы узнавали о революционных событиях в России, о том, что сельское хозяйство запущено, промышленность пришла в упадок, рабочих рук не хватает.

Февральская революция вызвала большое оживление в среде военнопленных. Не все отнеслись к событиям в России одинаково. Многие военнопленные симпатизировали большевикам, но были и сторонники Керенского. Определенное революционизирующее значение имели рассказы солдат, попавших в германский плен во время июньского наступления, организованного Керенским в 1917 году. Судя по этим рассказам, становилось ясно, что ждать от Временного правительства прекращения войны нельзя. В лагере Кроссен, как и в других лагерях, активно работала группа «прогрессистов». В нее входили: Снегирев — впоследствии председатель большевистской партгруппы лагеря Кроссен, Корнев и Шатобриан — в будущем члены руководства Русской секции при КПГ, Ионов — избранный позднее председателем лагерного исполкома, Федоров, Ватман, Кимстач и другие. В эту группу входил и я.

С большим трудом, но к нам в лагерь все же попадали большевистские листовки, газета «Правда». Мы тайно передавали их из рук в руки, следили за событиями на далекой родине. Нам стали известны слова В. И. Ленина, обращенные к военнопленным вскоре после Февральской революции, в марте 1917 г., в листовке «Товарищам, томящимся в плену»: «...Вернитесь в Россию, как армия революции, как армия народа, а не как армия царя... И мы скажем восставшим рабочим и солдатам: на ваших братьев, томящихся сейчас в плену, вы можете положиться. Они сыны народа, и они пойдут вместе с нами в бой за свободу, в бой за республику, против царя»¹. Кто и как доставлял в лагерь пропагандистские материалы и литературу, многие из нас, по понятным причинам, тогда не знали. Только спустя много лет мне стало известно, что ими снабжала лагерь в Германии «Бернская с.-д. комиссия интеллектуальной помощи военнопленным при Комитете заграничной организации РСДРП», созданная большевиками в 1915 году². Комиссия провела большую работу по налаживанию связей и организации пропаганды среди русских военнопленных. Наличие в лагере Кроссен большевистских материалов и литературы позволяет по-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 66. В «Примечании» к этой листовке подчеркивается, что «Ленин придавал большое значение работе среди пленных, которым предстояло, вернувшись на родину, участвовать в революционной борьбе» (там же, стр. 518).

² А. П. Якушина. Работа большевиков среди русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии (1914—1918 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1963, № 3.

лагать, что среди нас были товарищи, поддерживавшие нелегальные связи с этой комиссией. Члены упомянутой группы нашего лагеря разъясняли военнопленным характер Февральской революции, реакционную сущность политики Временного правительства. Даже самым отсталым из пленных стало понятно, что только большевики стоят за прекращение войны, за раздел помещичьей земли между крестьянами, что правительство капиталистов и помещиков ничего не предпримет для выхода России из войны, для освобождения нас из плена и возвращения на родину.

О работе большевиков под руководством В. И. Ленина среди русских военнопленных, о связях с ними еще до победы Октября вспоминала Н. К. Крупская: «Написал Ильич письмо и к «Товарищам, томящимся в плену», где рассказывал им о происшедшей революции и о предстоящей борьбе. Нельзя было не написать им. Еще когда мы жили в Берне, начата была и довольно широко поставлена переписка с русскими пленными, томившимися в немецких лагерях... Мы помогали, чем могли, писали им письма, посылали литературу. Завязался ряд очень тесных сношений. ...В плен мы посылали нелегальную литературу, переслали брошюру Коллонтай о войне, которая имела громадный успех, ряд листовок и пр. За несколько месяцев до нашего отъезда в Цюрихе появились двое пленных: один — воронежский крестьянин Михалев, другой — одесский рабочий. Они бежали из немецкого плена, переплыв Боденское озеро. Заявились они в нашу Цюрихскую группу. Ильич много с ними толковал... Михалев был куском живой жизни. Таким же куском были и письма пленных, присылаемые в нашу комиссию помощи пленным. Не мог уехать Ильич в Россию, не написав им о том, что больше всего волновало его в эту минуту»³.

Февральская революция сыграла определенную роль в расширении рабочего движения в Германии. До нас доходили сведения, что пролетариат Берлина, Лейпцига и других городов весной и летом 1917 г. провел крупные забастовки. Большим революционным событием явилось восстание летом 1917 г. военных моряков в Вильгельмсхафене.

Однако только Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала мощный подъем политической активности как в Германии, так и среди военнопленных. Известие о победе в России трудового народа, о создании рабоче-крестьянской власти и формировании Советского правительства во главе с В. И. Лениным значительно усилило стремление военнопленных быстрее попасть на Родину и принять участие в революции и строительстве новой жизни. Весть о социалистической революции в России быстро облетела Германию. Мы знали, что Советскую республику искренне приветствовали трудящиеся этой страны. А после подписания Брестского мира среди военнопленных усилилось движение за создание действенного самоуправления. Все настойчивее шли разговоры, что нам нужно иметь руководящий орган для организованной борьбы за улучшение условий нашей жизни, за освобождение. В апреле 1918 г. по инициативе «прогрессистов» на площади лагеря Кроссен собралась большая часть военнопленных. В присутствии коменданта начался митинг. Военнопленные требовали, чтобы их быстрее отправили на Родину. Мы понимали, что после прекращения военных действий между Германией и Россией создались реальные возможности для освобождения нас из плена, причем окрестное население, с которым мы часто встречались на работах, с пониманием и сочувствием относилось к нашему желанию вернуться домой. На митинге раздавались голоса: «Нечего держать нас в плену, нечего терпеть нам лишения!». С Восточного фронта возвращались отдельные солдаты, но немцы продолжали воевать и не думали пока об освобождении русских военнопленных, которые нужны им были как рабочая сила.

За тысячи километров от лагеря, на нашей родине шла борьба за существование молодой Республики Советов. Страстное желание увидеть родную землю не покидало нас. Мы знали о трудностях в Советской России: о голоде, топливном кризисе, разрухе, об интервенции. Знали мы и о победах Красной Армии над силами внутренней и иностранной контрреволюции. Этим победам мы радовались, ими гордились. Мы были уверены, что Советская власть не забудет о миллионах своих сыновей, томящихся в плену, и выручит нас из неволи. Эта уверенность усилилась, когда мы

³ Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М. 1968, стр. 293.

прочитали в газете «Известия ВЦИК» декрет от апреля 1918 г., подписанный В. И. Лениным, «Об учреждении Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев».

Контрреволюционные эмигранты, бежавшие в Германию из России после Октябрьской революции, создали в Берлине и других немецких городах различные реакционные организации. Особенно они усилили антисоветскую деятельность с весны 1918 г., когда началась интервенция против Советской России. Агенты белогвардейских армий пытались организовать вербовку среди военнопленных в целях пополнения своих войск. Одновременно они старались удержать нас от побегов и развернули пропаганду за возвращение в те районы России, которые были заняты белыми армиями. Белогвардейские агенты использовали для своей пропаганды газету «Голос России», которую выпускало еще Временное правительство, а затем она перешла в руки реакционной эмиграции. Эта газета печатала провокационные статьи о том, что возвращающихся в Россию из плена, не высаживая из эшелонов, якобы отправляют в тюрьмы и на каторгу, что большевистское правительство скоро падет и пополнение военнопленными белогвардейских формирований только поможет этому. К нам в лагерь забрасывали и другие контрреволюционные газеты, в частности издававшуюся в Чехословакии петлюровскую газету.

Большую активность проявляла петлюровская миссия Центральной Рады. Однако попытка отколоть украинцев от общей массы военнопленных с целью вербовки их на сторону контрреволюции успеха не имела. Нашлись лишь отдельные националисты, которые пошли за петлюровцами. Еще какая-то организация пыталась отколоть мусульман от общей массы военнопленных. Из этого тоже ничего не вышло. К нам в лагерь приезжали и другие агенты, предлагавшие русским военнопленным переезжать в Швецию и Норвегию. Я не помню, чтобы кто-нибудь на это согласился. Представители белогвардейского генерала Бермонта-Авалова пытались вербовать в лагере Кроссен солдат в Прибалтику. Провокационную работу старались проводить в лагерях также представители различных контрреволюционных религиозных организаций. Помню посланцев из так называемого Союза христианских студентов, которые стремились вербовать людей в свои секты. Они представлялись как «бескорыстные друзья военнопленных», которые из-за большевиков якобы не могут попасть на родину. Для «облегчения» нашего положения эти «друзья» давали различные адреса для писем в Данию, Нидерланды, США. Из этих стран по письмам некоторых пленных, поддавшихся влиянию церковников, приходили иногда продовольственные посылки. Но людей, которые писали такие письма, было мало. Сталкиваясь с разного рода провокаторами, мы понимали, что они старались задержать нас в плену и затем, обработав соответствующим образом, подготовить к борьбе против Советской республики. Поэтому их потуги были, как правило, тщетны. Антивоенная пропаганда, проводившаяся в лагерях большевиками под руководством Заграничной организации РСДРП, а в дальнейшем ЦК Русской секции при КПГ, привела к тому, что вербовочные действия контрреволюции фактически провалились.

Мы читали в газетах и видели сами, что в Германии назревают революционные события. Из-за голода и растущей нищеты росло недовольство трудящихся войной, ширились массовые забастовки и политические стачки в промышленных центрах. В ноябре 1918 г. в Германии вспыхнула революция. К концу года в лагере Кроссен находилось более 3 тыс. русских военнопленных. Известие о начале революции и свержении кайзера Вильгельма II было встречено общим ликованием. Все население лагеря высыпало из барачных бараков. Первый возглас был: «Домой!». Стихийно возникали митинги, на которых огромная масса пострадавших людей требовала улучшения условий жизни и быстрой отправки на Родину. Началось братание с солдатами из охраны. Комендант лагеря вначале растерялся, потом сорвал с себя погоны и заявил, что он тоже «за революцию»...

После свержения кайзера и прекращения военных действий на Западе английские и французские военнопленные были отправлены по домам. В то же время создавались самые различные препятствия для возвращения нас в Советскую Россию. Нам стало известно, что правительства стран Антанты обещали поддерживать освобождение и отправку в Россию лишь тех, кто даст согласие служить в белых

армиях. Особенно усердствовали в этом направлении американцы. Они завозили в лагерь продовольствие и одежду, требуя взамен, чтобы военнопленные отказывались возвращаться в Советскую Россию и ехали на пополнение белогвардейских войск. Помню такой случай. Примерно в декабре 1918 г. в лагерь Кроссен прибыли два, как нам сказали, американских офицера. По распоряжению коменданта 250—300 военнопленных было собрано в бараке, где обычно нас знакомили с приказами лагерной администрации (большинство населения лагеря в этот день находилось на различных работах). Вначале выступил комендант. Он сказал, что в Германии тяжелое экономическое положение и немецким властям трудно прокормить большое число военнопленных. Поэтому, продолжал он, американское правительство хочет выполнить «великодушную миссию» по обеспечению военнопленных питанием и одеждой. Затем к нам с длинной речью обратился американский офицер. Переводил один из военнопленных. Выступление офицера было проникнуто враждебностью к Советской России. Он старался запугать нас голодом, лишениями, царившими в России из-за «злodeяний большевиков». Американец сказал, что военнопленные не виновны в этих «злodeяниях» и не должны стремиться в Россию, где «пока еще орудут» большевики. Потом он говорил, что Америка кормит всю Европу и в «гуманных» целях пришла также на помощь бедным русским военнопленным в Германии. Помощь будет предоставлена, однако при условии выполнения лагерного режима и прекращения саботажа на работах. После выступления американского офицера комендант объявил, что распределением одежды и продовольствия будет заниматься лагерная администрация. Многие наши товарищи выступили и заявили, что военнопленные примут помощь при условии, если хранением и распределением продуктов и одежды будет заниматься специальная комиссия, избранная военнопленными. Комендант вынужден был согласиться. Вскоре одежда и продукты начали поступать на лагерный склад. Узнав об этом, военнопленные, находившиеся в рабочих командах, стали уходить в лагерь. Это совпало с возвращением немецких солдат с Западного фронта (после перемирия в ноябре 1918 г.), и нужда в военнопленных как рабочей силе резко сократилась. Уходу из рабочих команд немецкие власти теперь особенно не препятствовали.

В это время обстановка в лагере Кроссен сложилась следующим образом: одни военнопленные еще находились в рабочих командах, другие — в лагере. Вся трехтысячная масса военнопленных никогда не собиралась вместе. Побегі часто не удавались, но и отдельные случаи удачных побегов не решали дела освобождения. Так как за работу выплачивали кое-какие деньги, некоторые военнопленные начали пьянствовать, заниматься карточной игрой, спекуляцией. «Прогрессисты» обсудили создавшееся положение. Стало ясно, что главной задачей является необходимость сплочения людей. Прежде всего нужно было усилить требования о нашем освобождении из плена. Очень важно было так подготовить военнопленных, чтобы они прибыли на Родину как активные советские граждане, готовые к участию в борьбе за упрочение Советской власти.

Мы пришли к выводу, что пора создать авторитетное лагерное самоуправление, осуществляемое исполнительным комитетом лагеря. В феврале 1919 г. по инициативе группы товарищей, о которой я писал выше, с разрешения коменданта собралось общее собрание военнопленных. Основным вопросом на нем было избрание исполкома лагеря. На собрании выступили Ионов, Билик, Федоров, Снегирев, Кимстач, Родионов и я. Выступавшие внесли предложение создать исполком как орган самоуправления военнопленных, а также потребкооперацию, библиотеку, кружки по ликвидации неграмотности, организовать художественную самодеятельность. Все эти предложения были в дальнейшем выполнены исполкомом. В исполком были избраны Снегирев, Кимстач, Федоров, Билик, Ватман, Ионов, я и другие лица. Председателем исполкома избрали Ионова. Комиссия, ведавшая складом, была ликвидирована, и ее функции взял на себя исполком. Немецкой администрации, опиравшейся на антисоветски настроенную часть военнопленных, удалось протолкнуть в исполком некоторых своих людей, таких, как Прохоров, Липидус, и им подобных. Однако все их попытки сколотить вокруг себя побольше единомышленников оказались безрезультатными. Военнопленные видели в лице большинства членов исполкома действительных защитников своих интересов. В результате напряженной борьбы в самом исполкоме спустя некоторое время антисоветчики были из него выведены.

Деятельность исполкома была довольно широкой. Ведущим в его работе стала подготовка людей к освобождению. Поэтому, в отличие от ликвидированной комиссии, исполком занимался не только распределением продуктов и вещей, но уделял основное внимание сплочению военнопленных, повышению их политической и общей грамотности, а также культурного уровня. Была создана библиотека. Исполком организовал несколько кружков по ликвидации неграмотности. Занятия проводили Снегирев, Кимстач, я и другие. Одновременно в кружках мы разъясняли газетные сообщения о Советской России, законы Советского правительства, рассказывали о Советской власти. Исполком организовал также кружок художественной самодеятельности и духовой оркестр. Среди военнопленных нашлись музыканты, а инструменты для духового оркестра имелись в городе в свободной продаже. Их мы купили в складчину.

Таким образом, с самого начала своей деятельности исполком стал вовлекать военнопленных в самодеятельные коллективы. Через различные кружки и организации исполком спланировал военнопленных. Был выделен один барак для лагерного клуба, где размещались и работали библиотека и кружки. Этот барак стал центром всей политико-воспитательной работы в лагере. Вскоре исполком создал швейную и сапожную мастерские, кухню, баню. Работали в них сами военнопленные. Исполком добился от администрации лагеря права для военнопленных на более свободный выход в город. Каждому старшему по бараку выдавали два-три пропуска, и по его усмотрению люди отпускались после обеда на определенные часы за пределы лагеря. Члены исполкома, библиотекари, музыканты получили постоянные пропуска на право выхода. Пользуясь тем, что право выхода в город все же оставалось сравнительно ограниченным, некоторые спекулянты уходили из лагеря, дав охране взятку. В городе они закупали продовольствие, вещи, а затем в лагере при попустительстве немецкой администрации все это продавали по повышенным ценам. Для пресечения спекуляции исполком в середине 1919 г. организовал потребительскую кооперацию. Она сыграла большую роль в сплочении военнопленных, улучшении их материального положения. Кооперация лишила спекулянтов возможности наживы, создала условия для помощи, в первую очередь больным, лекарствами и питанием. Меня избрали председателем ревизионной комиссии потребкооперации. Большой победой было то, что лагерная администрация все свои распоряжения начала отдавать только через исполком, и даже на работу военнопленные не направлялись без его ведома. Комендатура только давала наряды с указанием, куда, на какие работы и сколько нужно рабочих. Рабочих среди военнопленных исполком стал подбирать на основе добровольности, а не назначать, как было раньше. Исполком иногда даже сокращал количество рабочих, подбирая людей так, чтобы характер работы соответствовал их специальности. Имея такой авторитетный орган самоуправления, как исполком, и видя, что он может многого добиться, военнопленные отвечали теперь на произвол со стороны лагерной администрации коллективным протестом, отказом подчиняться распоряжениям комендатуры.

Известно, что в других лагерях также были созданы исполкомы. Они сыграли большую роль в сплочении и поднятии политической активности военнопленных. Под руководством исполкомов широко развернулась воспитательная и организаторская работа в лагерях, усилилась борьба за дальнейшее улучшение условий нашей жизни, свободу передвижения, за облегчение условий труда. Исполкомы активно претворяли в жизнь требования военнопленных в белогвардейские армии, усилили требования об освобождении и отправке на Родину. Многие военнопленные прошли исполкомовскую школу воспитания, а ряд их стал впоследствии активными членами Коммунистической партии.

Хочу подробнее остановиться на наших взаимоотношениях с местным населением за пределами лагеря. Активную работу по установлению нелегальных связей за пределами лагеря Кроссен с местными немецкими рабочими, особенно социал-демократами, а позднее с коммунистами, а также между самими лагерями проводил военнопленный из нашего лагеря Корнев (или Корнев, точно не помню, впоследствии член руководства Русской секции, часто уезжавший в Берлин). Он же привлек к этой работе Ватмана и других. Местные коммунисты и рабочие социал-демократы устанавливали явочные квартиры, куда приходили для встречи с нашими связными. Здесь

они информировали связных о политических событиях, передавали литературу, газеты, листовки. Ватман мне потом рассказал, что он приходил с паролем к одному немцу в Берлин на Фридрихштрассе, и тот передавал ему пропагандистскую литературу для лагеря. (Точного адреса он не помнил, а фамилию немецкого товарища вообще не знал.) Мне известно также, что в Мюнхенберге была явочная квартира у немца-кустаря, у которого работал военнопленный Изба, родом из Белоруссии. Через него исполком, а позднее коммунистическая организация лагеря Мюнхенберг также получали политическую литературу. После образования Русской секции и коммунистических групп в лагерях наши интернациональные связи с немецкими коммунистами укрепились. В памяти у меня навсегда сохранилась немецкая семья Шейн. Сын и дочь главы семьи были активными членами КПГ. Особенно отличалась политической активностью Эмма Шейн, секретарь коммунистической группы в г. Кроссен. Она снабжала нас пропагандистскими материалами, сумела поместить в местной газете статью партруппы о произволе и вымогательстве лагерных надзирателей, постоянно помогала нам. Из печатных материалов, которыми снабжали нас немецкие коммунисты, а ранее социал-демократы, помню газеты «Rote Fahne» («Красное знамя») — орган Центрального комитета КПГ, и «Freiheit» («Свобода») — орган СДПГ. «Freiheit» нередко была в городе в свободной продаже, но продажа «Rote Fahne» запрещалась. Кроме того, мы иногда получали от коммунистов листовки на немецком языке. В них говорилось о событиях, не всегда известных из газет. В листовках разоблачалась антинародная политика кровавого режима Носке и публиковались призывы к рабочим и солдатам Германии обратиться оружием против реакционного правительства. Все эти материалы широко использовались для пропагандистской работы среди военнопленных.

Начало 1919 г. ознаменовалось новыми революционными выступлениями немецкого пролетариата. Значительным событием было образование 13 апреля Советской республики в Баварии. В боях за республику участвовала группа добровольцев из военнопленных. В лагерях, из которых эти товарищи скрытно ушли, администрация объявила, что все они будут по возвращении расстреляны. Но никто не вернулся: все они погибли на баррикадах Мюнхена.

Созданный в середине 1919 г. ЦК Русской секции при КПГ принял решение об издании коммунистической газеты «Красный набат». Она нелегально распространялась в лагерях и сыграла выдающуюся роль в пропаганде большевистских идей, в революционной борьбе военнопленных. В первом номере, вышедшем 15 января 1920 г., передовая объясняла: «Красный набат» будет красной газетой. «Красный набат» будет коммунистической газетой. «Красный набат» будет писаться коммунистами-большевиками и только большевиками. Но «Красный набат» предназначен не только для коммунистов-большевиков... И вот к военнопленным мы обращаемся в первую очередь: нам хорошо известно, — ибо из наших сотрудников большинство бывшие пленные, — что большая часть сидящих по лагерям товарищей сочувствует не только Советской власти, но и коммунистам (большевикам)... Мы желаем познакомить пленных с духом коммунизма... Мы будем систематически излагать идеи самого коммунизма... Вы все знаете, какими отчетами, особенно о русских событиях, заполнены буржуазные газеты всего света. Мы никогда не будем лгать, как лгут эти газеты... Итак, мы уверены, что газета наша сослужит хорошую службу и пленным, и коммунизму. Мы будем гордиться, если нам удастся достигнуть того, что наши товарищи по возвращении из Германии на родину смогут сказать: «Мы подготовлены познать все новое в России, чего мы еще не видели, но с чем нас познакомили, с чем мы сами познакомились в Русской секции Коммунистической партии Германии. А теперь заведем в набат, в красный набат и примемся за работу — на пользу коммунизма, т. е. всего трудящегося света».

С программными и передовыми статьями в «Красном набате» выступали члены ЦК Русской секции. В их статьях разъяснялось, как следует вести пропагандистскую работу в лагерях и в рабочих командах, описывались жизнь в Советской России и борьба с контрреволюцией, жизнь и борьба немецких рабочих. Большое внимание газета уделяла подготовке военнопленных к новой жизни по возвращении на родину, к тому, чтобы стать настоящими советскими гражданами. Перечень одних только заго-

ловков статей уже дает некоторое представление о содержании «Красного набата»: «Как организована Советская власть в России», «Программа коммунистов», «Советское правительство и военнопленные», «Польское нападение на Россию», «Мы — весна жизни», «IX партийный съезд», «Конец денкинизации на Кавказе». Первый номер начинался словами партийного гимна «Интернационал». Часто печатались стихи пролетарского поэта Демьяна Бедного («Рабочие — солдатам», «Пора!», «Богатырский бой»). На видном месте газета публиковала воззвания, обращения, призывы к коммунистам и другим военнопленным, а также к интернированным осенью 1920 г. красноармейцам из конного корпуса Г. Д. Гая, попавшим в Германию из Польши. Под рубрикой «Лагерная хроника» печатались статьи и сообщения, присылаемые парторганизациями лагеря.

После создания партгруппы в лагере Кроссен мы также направили в «Красный набат» несколько информаций. Они рассказывали о работе, способствующей росту политической сознательности военнопленных, разоблачали лагерных надзирателей и фельдфебелей-взяточников, расхищавших имущество военнопленных. В одном из наших сообщений говорилось: «Кроссен, 18 июня 1920 г. В лагере ведется упорная борьба с пьянством и картежной игрой. Заметно, что многие товарищи исправились и бросили порочные забавы. — Пора товарищам отрезвиться и одуматься, что настало время, требующее от каждого из нас сознательной и серьезной жизни и работы...»⁴. Военнопленные полюбили газету и с нетерпением ждали выхода очередного номера. «Лагерь Мунстер. 23 мая 1920 года. Вчера получили, наконец, № 5—6 «Набата». Вечером во всех бараках замечалось сильное оживление. Люди делились впечатлениями от прочитанного веху и судили, и рядили о новых порядках в России»⁵. Письмо из лагеря Зальцведель: «От имени товарищей всего лагеря приветствуем пролетарскую газету и шлем всем товарищам сотрудникам искренние пожелания сил и энергии для работы на благо всего пролетариата...»⁶. В целом «Красный набат» верно и последовательно служил идеалам нового мира, вел огромную организаторскую и воспитательную работу среди военнопленных.

В некоторых лагерях ранее уже были коммунисты, проводившие подпольную работу под руководством Заграничной организации РСДРП (через вышеназванную Бернскую комиссию)⁷. Кроме того, среди нас становилось все больше людей, разделявших взгляды большевиков и активно работавших по сплочению военнопленных. Таких мы называли сочувствующими. ЦК Русской секции при КПГ через своих представителей в лагерях изучал людей, которых он считал подготовленными к вступлению в партию, и приступил затем к созданию нелегальных коммунистических партийных организаций в лагерях. «Красный набат» в № 2 от 1 февраля 1920 г. призывал: «Образуйте коммунистические группы в лагерях!». В лагере Кроссен партийная организация была создана так. 20 марта 1920 г. в лагерь прибыл военнопленный из Мюнхенбергского лагеря Абдулов (бывший учитель из Орловской губернии), который был связным между ЦК Русской секции и некоторыми лагерями военнопленных. От него я узнал, что в феврале 1920 г. ЦК Русской секции при КПГ созвал в Берлине I Коммунистический съезд русских военнопленных в Германии. Абдулов рассказывал, что делегаты съезда — коммунисты, а также сочувствующие коммунистическому движению, которых вскоре после съезда ЦК Русской секции принял в партию, были разосланы по лагерям для создания там коммунистических групп. В лагере Кроссен эту задачу и выполнил Абдулов. (Он говорил, что ушел из Мюнхенбергского лагеря, подкупив немецкого часового.) По предложению Абдулова 20 марта недалеко от г. Кроссена в лесу тайно собралось человек 20, среди которых большинство были членами исполкома. Мы заслушали Абдулова, и тут же 13 человек (Снегирев из Калужской губернии, Федоров из Сибири, Кимстач из Белоруссии, Билик из Каменец-Подольской губ., я из Херсонской губ. и другие) подали заявления о приеме в партию. Оформление приема в партию производилось ЦК Русской секции при КПГ в Берлине на основании поданных нами заявлений. Вскоре мы получили парткарточки из плотной бумаги голубого

⁴ «Красный набат», I.VII.1920.

⁵ «Красный набат», I.VI.1920.

⁶ «Красный набат», 15.VI.1920.

⁷ А. П. Якушин и а. Ленин и заграничная организация РСДРП. 1905—1917 гг. М. 1972, стр. 360—373.

цвета, размером 6 на 9 сантиметров. Сверху шла надпись: «Русская секция при КПГ»; ниже — фамилия, имя, отчество и время вступления в партию. Обратная сторона карточки была разделена на клетки с названием месяцев для уплаты членских взносов. Так организовалась подпольная партийная группа лагеря Кроссен. Онегирева избрали ее председателем, меня — секретарем. Председатель осуществлял общее руководство партийной работой в партгруппе и вовлекал новых членов в партию, а секретарь занимался массово-политической работой: политическим просвещением, ликвидацией неграмотности, библиотекой, изданием лагерной газеты.

После создания партийной организации в лагере исполком работал под ее влиянием и руководством. Именно через исполком нелегально существовавшая партийная организация руководила всей организаторской и политической работой в лагере Кроссен. Партийное влияние на работу исполкома обеспечивалось тем, что свыше 70% состава исполкома были коммунисты, а почти все остальные — сочувствующие. Вскоре партгруппа приступила к изданию нелегальной газеты под названием «Товарищ». Редактором газеты избрали меня (мой псевдоним был Власов). Псевдоним в нелегальных условиях был необходим, так как среди военнопленных встречались провокаторы, связанные с немецкой администрацией. Кроме газеты, издавались листовки, посвященные красным праздникам: 1 Мая, годовщине Октябрьской революции. Иногда мы выпускали стенные газеты. Они писались от руки и вывешивались в клубном бараке. В стенгазетах публиковались заметки о жизни военнопленных. Газета «Товарищ» выпускалась эпизодически; размножали ее на гектографе в количестве 20—25 экземпляров. В ней писали о гражданской войне в России, о советском патриотизме, о борьбе за отправку на Родину, велась пропаганда за усиление требований о дальнейшем улучшении условий нашей жизни. Газету «Товарищ» мы распространяли также по другим лагерям, а взамен получали через связанных издававшиеся там нелегальные газеты. Так, в лагере Зальцведель выпускалась газета «Красный Восток», в Целле — «Молот», в Гаммеле — «Наш журнал», в Сольдау — «На чужбине».

В апреле 1920 г. в нашем лагере состоялось организованное ЦК Русской секции при КПГ нелегальное партийное совещание представителей партгрупп 15 лагерей военнопленных. Это совещание было создано следующим образом. Наша партгруппа согласовала с ЦК Русской секции время открытия памятника, сооруженного на скудные средства военнопленных, нашим товарищам, умершим в лагере Кроссен. Под предлогом открытия памятника исполком, состоявший преимущественно из коммунистов и сочувствующих, добился разрешения коменданта на приглашение представителей военнопленных из других лагерей. Это были коммунисты — представители партгрупп лагерей, направленные в лагерь Кроссен по указанию секции (якобы специально на открытие памятника). Съехалось человек 15. Руководство секции представлял Четвергов (или Четвериков), который по ее поручению и провел партийное совещание. К сожалению, не помню, из какого он был лагеря. Самый факт созыва такого совещания сыграл большую роль в установлении прямых контактов с партгруппами многих лагерей. На совещании была заслушана информация о работе партгрупп и принято решение об усилении политической работы среди населения лагерей. Был выработан меморандум, который исполком каждого лагеря должен был направить в германское военное министерство через Бюро русских военнопленных. В меморандуме выдвигались требования расширения прав военнопленных, улучшения жизненных условий, ускорения отправки на родину.

Под руководством партийных групп организованность в лагерях значительно возросла. Основной задачей парторганизации было усиление требований о быстрейшем освобождении военнопленных и, главное, воспитание и подготовка к возвращению их в Россию активными гражданами молодой Советской республики. Одно из воззваний, опубликованное в «Красном набате», гласило: «Товарищи! Отправка хотя и медленно, но началась. Многие из вас скоро должны будут принять активное участие в жизни вновь возрождающейся новой России, а потому призываем вас: готовьтесь к новой жизни! Организуйте коммунистические кружки, привлекайте в них наиболее развитых товарищей, а потом пропагандируйте идеи коммунизма в широкой массе товарищей пленных»⁸.

⁸ «Красный набат», I.VI.1920.

Партийная группа лагеря Кроссен систематически работала над расширением своих рядов. Численный состав партгруппы постепенно увеличивался. Коммунисты изучали и хорошо знали людей. Немало военнопленных полностью становилось на идейные позиции большевиков. Коммунисты в качестве членов исполкома и активистов кружков давали им различные поручения, вовлекая в партийную работу. Прием в партию происходил на нелегальных партийных собраниях. Заявления обсуждались собранием и в случае утверждения поступали на рассмотрение ЦК Русской секции при КПГ. Оттуда мы получали через Корнева и Шатобриана парткарточки для принятых. На партийных собраниях решались также многие другие вопросы: как вести пропаганду и кому ее поручить; об усилении требований по ускорению отправки на Родину; об улучшении условий жизни военнопленных. Многие мероприятия партгруппа проводила, как уже говорилось, через исполком. Изредка (конечно, нелегально) к нам приезжали представители ЦК Русской секции. Тогда мы проводили партийные совещания ночью, притушив свет и выставив дозорных.

По заданию партгруппы исполком периодически созывал сходки. На них, иногда в присутствии коменданта, обсуждались вопросы лагерной жизни. Коммунисты, живя вместе с массой военнопленных, проводили среди них большую работу. Эта работа строилась на основе имевшихся в партгруппе сведений о положении в бараках, в рабочих командах, в лагере в целом, в городе, в Германии и Советской России. Трудность заключалась в том, что всю партийную работу приходилось проводить скрытно и в условиях непрекращающейся борьбы с имевшимися среди военнопленных меньшевиками, эсерами, черносотенцами и определенным количеством их сторонников.

ЦК Русской секции прислал нам Программу партии, принятую на VIII съезде РКП(б). Члены исполкома коммунисты Снегирев, Билик, Федоров, я и другие неоднократно собирали старших барачников — человек 16—18, знакомили их с программой, инструктировали, как вести работу с военнопленными по ее разъяснению. Старшие барачников назначались исполкомом, большинство их было коммунистами. Программа партии пропагандировалась также через лагерную газету «Товарищ». Членами партийной группы было организовано чтение брошюры В. А. Карпинского «Что такое Советская власть и как она строится». Ее читали по разделам, после чего вели беседу о советском строе, о борьбе на родине за укрепление Советской власти. Широко разъяснялись статьи из газет «Правда» и «Известия», которые писали тогда о борьбе с врагами, с разрухой, о декретах Совета Народных Комиссаров. Обычно часа в 4 дня, после окончания работы комендатуры, когда все чиновники уходили из лагеря, часто можно было видеть такую картину: на траве отдыхает группа людей, к ним подходят члены партии с газетой, вслух читают ее, заводят разговор на политические темы, помогают разобрать письмо с родины или написать ответ. В ходе пропагандистской работы коммунисты разъясняли политическую суть событий, лживость антисоветских измышлений реакционной буржуазной пропаганды.

Насколько я знаю, партийные организации активно работали во многих лагерях: Губен, Кюстрин, Шнайдемюль, Мюнхенберг и других, где я бывал по заданиям ЦК Русской секции (для налаживания связей с партгруппами и обмена опытом). Нередко мне приходилось встречаться с членами ЦК Русской секции.

Особенно много о работе партийных групп мы узнавали благодаря «Красному набагу». Он печатал такие, например, сообщения: «Лагерь Кэнигсмор. 20 мая 1920 г. ...До появления у нас кружка среди нас не было ни единения, ни организованности... Но за последнее время замечается некоторое оживление... Перед нами встало решение: или голодная смерть, или же борьба не на жизнь, а на смерть». Для успешной борьбы, говорилось в информации, за улучшение пищи был организован стачечный комитет, предъявивший коменданту требования. После отказа коменданта их выполнить была объявлена голодовка, которая завершилась победой: питание улучшилось⁹. «Эрфурт... У нас уже давно существует крепкая товарищеская организация, но мы особенно страдаем от недостатка литературы и, конечно, живого слова». «Бад-Брамштедт. 11 июня 1920 г. Комендантом лагеря арестован весь состав лагерного комитета и под конвоем отправлен в Пархим». «Гарделеген. Наша организация крепнет с каждым днем. Мы почти полностью применяем систему выборов Советов... Планомерно

⁹ Там же.

осуществляется улучшение экономического и правового положения, успешно ведется дело всестороннего образования... Нам удалось доказать, что путь к нашему полному раскрепощению и освобождению из неволи лежит только через посредство Советского правительства». «Кёнигсмоор. Дела нашей группы развиваются успешно; товарищи все более убеждаются в необходимости крепкой организации. Нами была помещена в немецкой газете заметка о тяжелых условиях жизни в лагере. Комендант обиделся и потребовал опровержения. Мы отказались. Тогда бравый лейтенант сократил и без того незначительную раскладку. Мы решили бороться, послав делегата в Берлин»¹⁰. Все это позволяло получать представление о партийной работе в лагерях в целом.

В июле 1920 г. в Берлине состоялся II съезд Русской секции при Коммунистической партии Германии. Съезд проходил нелегально в одном из ресторанов на Фридрихштрассе. Хозяин ресторана сочувствовал коммунистическому движению. Он предоставлял ЦК Русской секции помещение для проведения подпольных собраний, а во время поездок из лагерей в Берлин военнопленных-коммунистов заботился об их размещении и оказывал другую помощь. В подвале ресторана я видел типографский станок. Из разговора между собою членов руководства Русской секции, который я слышал, у меня сложилось мнение, что на станке печатались некоторые материалы секции. От партийных групп лагерей на съезде присутствовало около 80 делегатов. Я участвовал в работе съезда как делегат от партгруппы лагеря Кроссен. Были заслушаны сообщения о численном росте парторганизаций, об их работе по повышению политического сознания военнопленных, о положении в лагерях. Об этом докладывали те члены руководства Русской секции, которые сами жили в лагерях, и представители партгрупп. Я сделал два кратких сообщения об обстановке в нашем лагере¹¹.

На съезде был сделан также доклад об успешном наступлении Красной Армии против белополяков, о боях с Врангелем. С речью выступил представитель КПГ. Съездом было принято решение усилить требования о быстрейшем освобождении из плена. Цель съезда заключалась в том, чтобы лучше ознакомить огромную массу военнопленных с обстановкой в Советской России и задачами, стоящими перед ними по возвращении домой. На съезде была отмечена плодотворная работа партийных организаций лагерей под руководством ЦК Русской секции по сплочению и коммунистическому воспитанию огромной массы военнопленных. Подчеркивалась большая роль контактов коммунистов из партгрупп лагерей с местными организациями КПГ и рекомендовалось расширять интернациональные связи.

К освобождению из плена и отъезду на Родину в лагере Кроссен готовилась последняя группа — около 1200 человек. ЦК Русской секции рекомендовал, чтобы члены партии уезжали в последнюю очередь, после того, как организуют отправку остальных военнопленных¹². Статьи, партийная группа нашего лагеря, созданная 20 марта 1920 г. в составе 13 человек, выросла ко дню отъезда — 12 сентября 1920 г. — до 90 членов партии и значительного числа сочувствующих. Для условий и возможностей того времени это была немалая цифра. 12 сентября 1920 г. к лагерю подошла группа рабочих города, человек 40 с оркестром, чтобы нас проводить. Среди них было несколько членов подпольной коммунистической группы Кроссена. Мы выстроились и в сопровождении своего духового оркеста и оркестра провожающих прошли по всему городу. Жители выходили на улицы, махали платками, пожимали нам руки. На вокзале мы погрузились в вагоны, вывесили в окна красные флаги и зеленые ветки. Так ехали до Штеттина (ныне Щецин), где была произведена посадка на германский пароход. 20 сентября 1920 г. мы прибыли в Петроград.

¹⁰ «Красный набат», 15.VI.1920.

¹¹ «Красный набат», 15.VIII.1920. (В пелях конспирации «Красный набат» в отчете о съезде не называл фамилий выступавших представителей парторганизаций лагерей, а указывал лишь название лагеря.)

¹² В постановлении этого съезда было записано: «Съезд выражает свое решение о том, чтобы в интересах партии, т. е. подготовки массы русских военнопленных в духе коммунистическом, предложить коммунистическим группам на местах не оставлять лагерь без работников при уходе транспортов и им оставаться до последнего транспорта или оставлять на своих местах вполне подготовленных работников» («Красный набат», 15.VIII.1920).